

Лорен Миракл, Сара Млиновски,
Э. Локхарт

Лорен Миракл, Сара Млиновски,
Э. Локхарт

КАК БЫТЬ
ПЛОХОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Л73

E. Lockhart, Sarah Mlynowski, Lauren Myracle
How to Be Bad

*Печатается с разрешения литературных агентств
Laura Dail Literary Agency, Inc и Synopsis Literary Agency*

Оформление обложки Александра Шпакова

Локхарт, Э.

ЛЗ7 Как быть плохой / Э. Локхарт, Лорен Миракл, Сара Млиновски ; [пер. с англ. В. Степанова]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-095608-1

Джесси, Вик и Мэл. У каждой из них есть особая причина, чтобы сбежать из родного городка. Потрепанный путеводитель «Удивительная Флорида», ключи от старого «Доджа», и немного денег — этого вполне достаточно, чтобы отправиться в путешествие, во время которого сердца будут разбиты, дружба пройдет суровую проверку, а встреча с загадочным незнакомцем изменит все дорожные карты.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-095608-1

Copyright © E.Lockhart, Sarah Mlynowski,
Lauren Myracle, 2008
© В. Степанов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящаем эту книгу нашим друзьям.
Будьте добрыми,
будьте смелыми
и ешьте больше манго.*

20 августа, пятница

*Глава 1
Джесси*

В конце июля, когда у меня все еще шло хорошо, в магазине «ужастиков» я купила в подарок Викс фальшивые волосы для подмышек — то есть, просто две наклейки наподобие пластыря, с волосами. Викс была от них без ума — носила целый день, то и дело повторяя, что она самая крутая девушка во всей Флориде. Даже на свидание со своим парнем, Брэди Маккэйном, она в тот вечер пошла в майке с открытыми подмышками и с этими фальшивыми волосами. Наутро она рассказывала, что Брэди чуть не упал, когда увидел ее в таком виде. Впрочем, я думаю, насчет этого она все-таки привирает — Брэди смотрит на Викс как на богиню и способен восхищаться ею, что бы она на себя ни нацепила. Готова поспорить — он точно так же восхитился бы, вставь она эти фальшивые волосы себе в ноздри. Да что там — этот парень не перестал бы считать Викс самой красивой, даже если бы у нее из ноздрей вдруг вырос целый лес настоящих, а не фальшивых волос.

Я думаю об этом, паркуя машину на стоянке возле ресторана под названием «Вафельный Дом», где мы с Викс работаем. Да, было время, еще совсем

недавно — мы с Викс ни дня не жили без шуток, все время «прикалывались» друг над другом. Жизнь была веселой и беспечной, и мне тогда казалось, что мы с Викс останемся подругами навек.

В какой-то степени, правда, именно я виновата в нашей размолвке... С того дня, как у мамы обнаружили эту чертову опухоль, хожу сама не своя, хотя прошло уже семнадцать дней.

Впрочем, и Викс в последнее время пребывает не в лучшем настроении — в основном из-за того, что две недели назад ее ненаглядный Брэди уехал из города. Хотя могла бы задуматься хоть немного и понять, что по сравнению с моими проблемами ее собственные просто смешны. Ну, уехал ее парень в Майами — не на другой же конец света, в конце концов!

Я очень хочу помириться с Викс. Именно сейчас мне ее так не хватает...

Я выключаю мотор зеленого мамино «Опеля» и собираюсь пойти в ресторан, хотя сегодня пятница — мой выходной. По идее, мне бы сейчас лежать на диване и тупо смотреть по телевизору сентиментальную передачу о том, как какой-нибудь ребенок почти умер при родах, но в самый последний момент врачи его спасли, и теперь все счастливы, и со слезами на глазах славят бога... Посмотрите, какие очаровательные ручки и ножки у этого малыша, какие пальчики! Жизнь прекрасна. Иначе просто быть не может...

Для кого-то жизнь, может быть, и прекрасна. Вот только мне в последнее время благодарить судьбу особо не за что.

«Ума не приложу, где я вдруг могла подцепить эту бяку?» — сказала мама, когда получила официальное

заклучение от онколога. Мама пыталась смеяться, но ее выдавали глаза — два бездонных омота, полные тоски и ужаса.

Должно быть, я чертовски плохая дочь, потому что ответила ей тогда: «Не иначе, как от своего любовничка!».

Это случилось как раз на следующий день после того, как мама принимала участие в конкурсе мокрых футболок. Представьте себе: мама — моя мама! — участвовала в конкурсе мокрых футболок, и дружки ее любовника, такие же, как и он, шоферы, поливали ее грудь ледяной водой из шлангов! А сам он наверняка стоял и гордился, и подмигивал своим дружкам, похлопывая их по плечу: «Смотрите, это моя женщина! Не правда ли, классная?».

Р.Д. Биггс — так зовут маминогo любовника — водителъ машины-холодильника, возит на ней напитки для одного придорожного кафе. Наверняка он думает, что такие мероприятия, как этот дурацкий конкурс мокрых футболок, поднимают престиж его затрапезной кафешки. Считает, наверное, что это очень круто. По мне, так ничего крутого в этом нет.

Мама уверяет, что она якобы уже знала наперед, что скажет ей этот пижон-онколог, и что в конкурсе мокрых футболок согласилась участвовать, чтобы поднять себе настроение. Круто, не правда ли?

Ничего крутого. Я думаю, мамино участие в этом идиотском конкурсе означает только то, что ее драгоценный любовник и его дружки-шоферня просто извращенцы, а у самой мамы нет ни стыда ни совести.

Господи, как бы мне хотелось стереть из памяти все события последних дней — особенно то, что

мама узнала от доктора. И то, что вчера Р.Д. вдруг подарил мне двадцать долларов — бог весть с чего, может, затем, чтобы показать, что он заботится и обо мне — дочери своей любовницы.

Поначалу Р.Д. мне нравился — по крайней мере, больше, чем некоторые другие мамины дружки. Мне нравился его заразительный смех. Нравилось, что каждую неделю я, мама и Р.Д. посвящали один вечер игре «Угадай слово по картинке». Но теперь этот придурок, сказать по правде, мне уже осточертел. Торчит целыми днями в «Вафельном Доме», глядит, как я бегаю, подаю клиентам яйца, тосты, драники, овсянку — и, конечно, вафли. Мы с Викс про себя называем этот ресторан «Вафло-фуффо» — хотя на самом деле вафли здесь вполне вкусные.

— Послушай, Джесси, — сказал он как-то раз после того, как закончил трапезу — а тарелку Р.Д. обычно вылизывает дочиста. Он наклонился ко мне, и его глаза выражали вполне отеческую заботу — но было в них еще кое-что, чего я предпочла бы не видеть. — Ты наверняка знаешь, что твоя мама сейчас испытывает не лучшие времена...

Я придвинулась к нему ближе и заговорила шепотом, потому что не хотела, чтобы нас кто-нибудь слышал.

— И вы пришли сюда, чтобы сказать, что моя мама переживает трудные времена... после того, что вы заставили ее сделать?

— Джесси, что это за разговор? — Он положил на стол свои жирные после еды пальцы. — Тебе до сих пор не дает покоя этот конкурс мокрых футболок? Я твою маму участвовать в нем не заставлял — она взрослый человек и сама делает, что хочет...

Я отошла от него, решив, что и разговаривать с этим типом не стоит. Но когда я вернулась домой, сказала маме, что не хочу больше видеть этого идиота в моем доме — а домом нам служит большой автоприцеп.

— В *твоем* доме? — переспросила она.

— Зачем ты ему сказала? — вместо ответа спросила я.

— Ты о чем? — попыталась она сделать вид, что не понимает.

«Все ты отлично понимаешь! — хотелось сказать мне. — Теперь этот придурок готов растрепать всему свету, что у тебя рак...»

— По-моему, это вполне естественно, — вздохнула она, — искать поддержки у друзей, когда у тебя какие-то проблемы...

— Вот как? По-твоему, он друг? Хорош друг — заставил тебя сверкать сиськами перед целой толпой своих вонючих дружков!

— Я... Он... — замялась она. — Послушай, Джесси, может быть, он действительно не тот друг, которого ты бы выбрала для меня, если бы выбирала сама. Но все равно он мой друг — даже больше, чем друг. По-моему, иметь друзей все-таки лучше, чем не иметь!

— Да ты готова дружить с кем угодно только ради того, чтобы иметь друзей! — проворчала я себе под нос.

— Что? — переспросила она.

Ничего не сказав в ответ, я вышла из затрапезной кухни нашего дома-прицепа в не менее затрапезную жилую комнату, где постоянно пахнет псиной. Мама последовала за мной и взяла меня за руку.

— Ты думаешь, что если будешь разговаривать со мной в таком тоне, это мне поможет? — спросила она. — Джесси, ты считаешь, что твоя мать...

— Шлюха? — закончила я.

У мамы перехватило дыхание.

— Джесси, — проговорила, наконец, она, — на этом конкурсе мокрых футболок никто из дружков Р.Д. не сказал обо мне ни одного плохого слова. Он сам был там, и при нем они бы не посмели — он сразу осадил бы любого, осмелюсь хоть кто-то что-то пикнуть. Если уж он на моей стороне, то почему ты вдруг против меня? Ради бога, Джесси...

— Не поминай имя Господне всуе! — фыркнула в ответ я.

Мама уставилась на меня, словно не могла поверить, что родная дочь может так люто ненавидеть ее.

— Послушай, Джесси, — снова заговорила она, — что случилось, того уже не исправишь. Все, что нам остается теперь — это надеяться на лучшее.

— И молиться, — добавила я.

Мама рассмеялась, хотя смех ее был явно вымученным.

— Джесси, я буду тебе благодарна, если ты будешь молиться за меня, — проговорила она. — Но я была бы еще более благодарна тебе, живи ты своей жизнью, не вмешиваясь в мою.

— Мама!

— В последнее время ты стала просто святошей, Джесси. Послушать тебя, так вокруг одни сплошные грешники, одна ты у нас без пяти минут святая...

Я отвернулась, но мама взяла меня за плечи и повернула к себе.

— Я говорю серьезно, Джесси! — Она слегка понизила голос. — По мне, уж лучше бы ты жила самой обычной, реальной жизнью, как все, не боясь испачкать свои белоснежные ангельские крылышки. Жизнью надо наслаждаться, Джесси — потому что никто из нас не знает, сколько ему еще осталось жить...

«Хорошо, мама, — сказала я про себя — не тогда, а потом, когда боль после этого разговора не то что прошла, а притупилась и сделалась привычной. — Если ты хочешь, чтобы я жила самой обычной жизнью, то пусть будет так».

Я сижу в машине на стоянке перед рестораном, и утреннее солнце греет мою кожу через лобовое стекло. В окне ресторанной кухни я замечаю Вика, которая сейчас наверняка потеет над каким-нибудь заказом очередного клиента. На сковородке у нее, должно быть, шипит и урчит яичница-глазунья или драник.

Викс — единственная девушка-повар в нашем ресторане, остальные повара — мужчины. К тому же, она единственная из всех поваров, кому нет двадцати лет. Ей семнадцать, как и мне, но я — всего лишь официантка. Официантом, в конце концов, может быть любой.

В окне ресторана я также замечаю нашу новую девушку, Мэл. Мэл работает здесь официанткой всего пару месяцев, и, стало быть, ранг у нее пока что ниже, чем у всех — но она ведет себя так, словно едва ли не самая главная здесь. Не то чтобы Мэл нам откровенно грубит, но вечно смотрит своими голубыми глазами с таким видом, словно хочет сказать, что все мы здесь — деревенщина, и лишь она одна

крутая. И меня наверняка тоже считает деревенщиной, потому что я, видите ли, не ношу джинсы за четыреста долларов, в отличие от нее.

Подумайте только — штаны аж за четыреста баксов! Я их сразу на ней заметила. Наша форма здесь, в ресторане, состоит из черных брюк и белой полосатой блузки. Блузки нам выдают, и галстуки-бабочки к ним в придачу (по мне, так эти галстуки просто ужасны!), а брюки мы носим свои собственные. Большая часть наших ребят и девчонок не замораживаются, носят какие-нибудь самые простенькие джинсы фирмы «Кмарт» или «Мервинс» — все равно они очень быстро становятся замусоленными, как, впрочем, и блузки.

Мои рабочие джинсы, сказать по правде, сидят на мне отвратительно. В талии жмут, а карманы вечно оттопыриваются, отчего я выгляжу толще, чем есть на самом деле. Честно говоря, больше всего люблю ходить в шортах, сделанных из стареньких джинсов, обрезанных по самое некуда, и в каком-нибудь топе на бретельках — такая одежда, по крайней мере, меня не толстит.

Ми-Мо — это моя бабушка — говорит, что я ей больше нравлюсь в той одежде, в какой обычно ходят в церковь. Но юбки до пят и туфельки на «шпильках» — не мой стиль. Я не считаю, что если буду одеваться по моде позапрошлого века, стану ближе к богу, чем в футболке и в шортах.

Так вот, на прошлой неделе Мэл явилась на работу в новехоньких черных джинсах, которые сидели на ней как влитые. Я сказала, что она выглядит потрясающе — не столько потому, что действительно так думала, сколько, если честно, желая к ней

подольститься. Мэл уже достала меня своими подкалываниями, и я подумала: сделаю этой задавке комплимент — может быть, и станет ко мне лучше относиться.

— Спасибо, — ответила Мэл. Судя по ее виду, она удивилась, что я вообще разговариваю с ней.

— Где ты их отхватила? — спросила я. — Я уже все магазины в нашем городе оббегала — нигде не могу найти приличных штанов...

— М-м-м, — промычала она, закусив уголком рта прядь волос, явно не желая делиться со мной секретом, где достала обновку.

— А что за фирма? — спросила я.

Мэл изогнулась назад, пытаясь рассмотреть этикетку на заднем кармане своих штанов.

— Кажется, «Хло»... — прочитала она.

«Хло? — подумала я. — Что это еще за фирма такая?»

В тот же день я съездила в библиотеку и посмотрела в Интернете, что это за джинсы фирмы «Хло». Ни в одном магазине в Найсвилле они не продавались, но, как я выяснила, в интернет-магазине «Бергдорф Гудман» можно было заказать их «всего» за 390 долларов плюс плата за доставку. Вот почему Мэл не хотела признаваться, где она достала такие крутые штаны!

На следующий день я спросила у Мэл, почему она вообще здесь работает. Вообще-то я не собиралась ее об этом спрашивать — сама не знаю, как с языка сорвалось... Викс, присутствовавшая при этом, кинула на меня красноречивый взгляд, словно желая сказать: «Ну ты даешь, Джесси!».